

Одоление вражды и беды

Алексей Кондратенко

Новая повесть Татьяны Грибановой «Всего дороже» — о людях русской глубинки, на долю которых выпали тяжкие испытания XX века: разрушение традиционного уклада жизни и братоубийственное истребление друг друга, голод, война... Зачин повествования — последние дни фашистской оккупации, когда каратели «помиловали» обитателей затерянной в лесу деревушки Берёзовки и не сжигают их в амбаре, а угоняют в полон. Скорбный путь заставляет персонажей вспомнить минувшее, задуматься о сути вещей, найти силы для главного в жизни поступка.

Тема зла — одна из центральных в повести. Но без зла не проявилась бы значимость добра. Раньше (в XIX веке) писатели видели исток зла в крепостничестве, затем в капитализме. Советские писатели объясняли зло «наличием» пережитков прошлого. Перестроечные писатели винули во всем сталинизм. Эпиграф из Максима Горького в повести стал свидетельством того, что Татьяна Грибанова призывает не к разрыву с наследием советского периода в истории народа, а к пониманию его как времени великих испытаний. В повести нет обличения сталинизма. Но есть представление о том, что в жизни много такого, что не определяется желанием или нежеланием кремлевских правителей.

Татьяна Грибанова нарочито уходит от социального объяснения причин зла (очевидно: она не делает главного отрицательного героя, полиция и душегубка Митроху Жихарева сына кулака или партийного деятеля). Она показывает читателю, что сама жизнь порождает зло — и то верно, как полюс магнита (в повести рождается от сильнейшего любовного влечения — вспомним хрестоматийно известного младшего сына Тараса Бульбы Андрия). Вот казалось бы, почти братья — Роман и Митроха. И вдруг жизнь стремительно разводит парней по разным полюсам. И порой кажется, что отрицательный герой показан даже ярче, рельефнее, чем положительный Роман (тот больше похож на безмолвного тургеневского Герасима).

Русская женщина Ариша — вечный, узнаваемый образ нашей литературы. В ней воплощена загадка русской души. В сущности, повествование об очень молодых людях — героям максимум по тридцать лет. Но сколько ими пережито! В то же время, несмотря на контекст эпохи, это не роман, не набросок романа, а именно повесть — действие вибрирует охватывает несколько месяцев (а в глубину — всего с десяток лет). Героев немного, сюжетная линия одна. И все это на фоне многолюдного, многослойного и противоречивого до крайности XX века. Это именно повесть, более того, повесть сказовая — что особенно зримо проявилось в финале. Взрыв в лесном

лесу — как нечто таинственное и сказочное, неведомое, положившее предел смертельной угрозе, герзаниям и скитаниям, давшее неожиданную свободу. Пришли беды ниоткуда (?) и ушли в лесную чащу, в никуда, как морок, кошмарный сон. Да навсегда ли ушли, не вернутся ли? — вполне может задать себе вопрос вдумчивый читатель.

Отрицательный герой все-таки любит, оттого и жертвует собой в итоге ради любви одной женщины. Но любовь эта болезненная, отравленная дядькинским наваждением. И нет другого пути «справиться» с ней, как пожертвовать своей пропащей натурой, вступив в схватку с врагом ради спасения души.

Зло приходит «ниоткуда», а значит, все социально-экономические улучшения, военные маневры и политические убеждения не гарантируют род людской от наступления беды, от нашествия захватчиков. Чем противостоять? Бороться? Да. Но не менее важно остаться людьми в этих испытаниях. И если не удается сохранить в себе человеческое, то с честью принять мученическую смерть.

Деревня Берёзовка в повести — средоточие мира. На страницах — Белоруссия, Германия, Финляндия, Сибирь, Венгрия... Все беды вселенной огненными потоками тянутся и жгут деревеньку, убивая людей и разрушая созданное людьми, но в то же время выжигая в душах оставшихся все несправедное, наносное, фальшивое. Живым на будущее остается самое главное, самое дорогое.

Образ дороги в лесу, по которой гонят в рабство русских людей, — зеркальное отражение событий дальних-дальних времен, когда первые поселенцы также по лесным дорогам пришли в эти места Среднерусской возвышенности и основали деревни и села. Снова сказ, снова хождение по мукам — совсем как в недавней поэме Татьяны Грибановой о Марье, которая Ивана искала. Только теперь не кочевая конница, а орда фашистская одолевает. У каждого столетия своя Батый.

По-своему интересна тема Финляндии, и речь не только о географии, а о стилевом взаимодействии. Деревенская

проза Грибановой в чем-то созвучна прозе скандинавских писателей: описания лесной, уединенной жизни, характеры героев — под стать персонажам северных саг. Значим образ финского военврача-хирурга — он по-своему символичен в повести как образ спасителя главного героя... Северные леса, озера, валуны. Там тоже свой мир, чем-то похожий на мир Берёзовки, на удивление, не чуждый ей. И от этого мира как некий волшебный предмет Берёзовке «передается» финская солдатская шинель. Шинель не гоголевская, не просто предмет военной амуниции. Она не убивает, не изнуляет, а, напротив, спасает — спасает не только от холода и бытовых невзгод, а спасает ребенка, будущее рода, всего народа. Шинель — как напоминание воюющим: ради жен и детей найдите силы и мужество прекратить вражду и остановиться в бессмысленной войне, перестаньте уничтожать друг друга, придите к миру, верните пленных.

Тема любви, казалось бы, самая простая для писателя в его обращении к читателю. Но на самом деле, самая трудная в литературе. Кто-то сказал, что настоящая любовь закончилась тогда, когда появились первые книги о любви: начались повторения, подражания, а то и пародии, пересмешки. В повести любовь не плотская (сенсальная или малинная, где-то на речном берегу). Здесь любовь не в яркой обертке хороводов и записных деревенских обычаев. Нет, это любовь исконная, заповедная, времен райского Эдема и пробуждения человека в человеке. Мне чем-то напомнило все это тональность Мопассана, но у автора повести все по-русски, все от истока. Описание любви, этого вечного движителя загадочной русской жизни, в повести «Всего дороже» — художественное открытие Татьяны Грибановой.

Тема оккупации. Казалось бы, написано уже много о ней, да и в наши дни книги выходят одна за другой. На удивление, Татьяна Грибанова нашла свое в этом разногласье — ей важно увидеть, как живет дух человека в исключительно враждебной среде. Кажется, противостоит наше-

ствию захватчиков сама лесная, болотная, луговая, скрытая туманом и сумерками потаенная сила жизни, которая почему-то сразу не смогла одолеть ошалелого насилие, но спустя какое-то время в великой ярости начинает давать отпор: где из чащи выходит партизанский отряд, где мороз сурово и неумолимо студит вражью силу, где топь жадно поглощает вражескую колесницу, а где в дремучей глуши теряет дорогу отряд карателей. Необоротимый дух земли пронзает чужаков такой порчей и жути, что сгинут они бесследно среди дремучего леса. И кажется, что в финале взорвались не гранаты, а тот комок боли от попрания чести и правды, что сжимался столько дней и ночей.

Созвучен и образ юродивого Афона — сказовый, из времен далекой Смуты, из стрелецких восстаний, из церковного раскола. Народ-богосец юродивого жалеет, до последнего заботится о нем. Здесь что-то непознваемое и необъяснимое, чего никогда не понять ни врагу, ни заезжему начальству.

Несколько слов о том, что вызывает сомнение, желание обратить внимание автора. К примеру, почти вся история предыдущих лет «уложена» в мысли героя за время его недолгого пути к детскому концлагерю. Мне кажется, нарушена соразмерность повествования. «Лирическое отступление» оказалось чрезмерно велико, куда шире, чем возможная рамка для него.

Наверное, в будущем можно было бы продолжить повесть — рассказать о деревне послевоенной. И, напротив, сделать иной очень сжатую предысторию — подробнее рассказать о том, как прошла революция в деревне.

В целом же повесть оставляет благоприятное впечатление. По сравнению с хрестоматийно известной прозой Петра Проскурина (а орловская уроженка Татьяна Грибанова, несомненно, его продолжатель — и продолжатель достойный) в повести дана иная трактовка темы Судьбы. Здесь место Судьбы занял Бог, Бог земли Русской, русского мира. И в этом я вижу шаг вперед в художественном развитии литературы по сравнению с прозой советского периода. Мир огромен, многолик, переполнен действием и тайной, но и у человека (Божьего создания) есть свое главное, есть возможность выбора и поступка.

... Не пытайтесь оторвать русского человека от истока, от реки Березуйки, не везите его ни в телеге, ни в теплушке на запад, не обманывайте подметными листовками и посулами мировой выгоды. Сохраните от разорения малую родину, а уж она даст сил пережить любые невзгоды. Таково обращение автора повести к современности. И очень хотелось бы, чтобы читатель понял и услышал эти смыслы. Прошлое достойно того, чтобы взглянуть в него и найти ответы на сегодняшние простые вопросы.